

Николай Сироткин

Lituz.com

Изумруды
Урала

Детектив XVIII века

18+

Тайная полиция императора

Николай Петрович Сироткин

Изумруды Урала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70624948

SelfPub; 2024

Аннотация

Москва, осень, 1797 год. Уральский купец предлагает молодому ювелиру купить партию камней весом один фунт и оставляет два камня для проверки. Этой же ночью купца убивают, а ювелир с удивлением обнаруживает, что невольным стал владельцем двух прекрасных изумрудов. Откуда у простого уральского купца изумруды? Ответить на этот вопрос можно, только раскрыв убийство, а для этого нужно ехать на Урал. Опальный фаворит Павла I Ростопчин, преследуя личные цели, решает помочь молодому ювелиру. Он дает деньги на поездку и находит ему помощника. Охота за уральскими изумрудами начинается, вот только охотников оказалось слишком много.

Николай Сироткин

Изумруды Урала

Глава 1. Москва, Замоскворечье, май 1770 года.

(Предыстория)

Теплым майским вечером, возле утопающего в свежей зелени, небольшого деревянного домика, остановилась роскошная двухместная карета. Сидевший рядом с кучером слуга соскочил на землю, открыл дверцу и откинул подножку.

– Вроде здесь, Савва Яковлевич – сказал он, помогая грузному, пожилому мужчине выйти из кареты.

Савве Яковлевичу Яковлеву (Собакину) было уже пятьдесят семь лет, и он по праву считался одним из богатейших людей России. Бывший сын крепостного, начавший свою трудовую деятельность простым посыльным у лавочника, он, благодаря упорному труду и природной смекалке к концу правления Елизаветы Петровны получил жалованную грамоту на дворянство, сменив свою неблагозвучную фамилию на Яковлев. Разбогатев на винных откупах, он к 1770 году купил девять уральских заводов, став крупнейшим промышленником в России, наряду с такими колоссами как Демидовы и Строгановы.

Выйдя из кареты, Яковлев окинул взглядом невзрачный домишко, тяжело вздохнул и, опираясь на массивную трость,

которую держал в левой руке, медленно пошел по посыпанной песком дорожке. Он уже подходил к крыльцу, когда дверь вдруг открылась, из дома вышел молодой человек и, увидев Яковлева замер от неожиданности.

– Ну, здравствуй, Тимофей, – спокойным голосом произнес Яковлев, – вижу, что узнал.

– Что вам здесь надо? Вам мало, что меня уволили со службы по вашей милости, так вы решили еще приехать и позлорадствовать лично?

Голос молодого человека дрожал, казалось, еще немного и он перейдет на крик.

– Успокойся, Тимофей. Я понимаю твое состояние, а потому не обижаюсь. Поверь, никакого отношения к твоему увольнению я не имею и узнал об этом совсем недавно.

– Так я вам и поверил. Ваши земли, на которых обнаружили золото, должны были отойти в казну, но вы решили все оставить себе. Я лично проводил пробные работы и написал в отчете, что два месторождения из трех пригодны для промышленной разработки.

– Я видел твой отчет, у меня и сейчас есть копия, которую ты мне тогда дал.

– Но, в Горной канцелярии оказался совсем другой отчет. Там черным по белому написано, что золота на указанных землях нет! Вы единственный, кому это было выгодно.

– Ты имеешь право так думать, Тимофей, но поверь, я к этому непричастен. Клянусь! Вот тебе крест!

Яковлев развернулся влево, где за домами и зеленью садов сверкал на солнце золотой купол приходской церкви, совершил крестное знамение и низко поклонился. Со стороны было хорошо видно, что дается ему все это с большим трудом. Тут же подбежал слуга и помог Яковлеву сесть на узкую скамейку, стоящую возле крыльца.

– Извини, Тимофей, я присяду. Разговор у нас, похоже, предстоит долгий.

Жестом руки он отослал слугу назад к карете и когда тот удалился, продолжил.

– Год назад, я договорился с Прокофием Демидовым о покупке пяти уральских заводов и вот, когда осталось только поставить подписи на документах, всплывает эта история с золотом. Оказалось, что еще шесть лет назад, в 1763 году недалеко от Невьянского завода на реке Ельничной было обнаружено три золотоносных участка и сделку отложили до завершения пробных работ. Вот тогда и появился ты.

– Да, и все вам испортил.

– Чем?

– Я доказал, что золото есть и возможна промышленная разработка, а значит эти земли у вас заберут в казну.

– Ты говоришь все верно, забывая тот факт, что тогда я еще не стал владельцем заводов. Если земли и отберут, то не у меня, а у Демидова, но на самом деле ни он, ни я ничего не теряли.

– Зато могли приобрести.

– Здесь ты тоже ошибаешься. Прокофий, безусловно, человек умный, наделенный недюжинными способностями, вот только предпринимательство в этом списке отсутствует напрочь. Ни производство железа, ни добыча золота его не интересовали. Именно поэтому он продавал свои заводы и продавал настолько дешево, что сама сделка была для меня чем-то вроде покупки золотой шахты.

– Тогда, кто все это подстроил?

– А ты до сих пор еще не догадался? Твой непосредственный начальник с твоим лучшим дружкой Федей Забелиным.

– А, им это зачем?

– Когда дело идет о больших деньгах, чиновники должны обязательно получить свою долю, у них на это нюх. Вот и в нашем случае, нашли зацепку и остановили сделку. И ведь даже пожаловаться некому, все законно – горное ведомство печется о нуждах государства. На Урале тогда я был один, Прокофий остался в Петербурге, поскольку мы с ним все заранее обсудили, поэтому вопросы пришлось решать мне. Сначала мне объяснили, что до проведения пробных работ ничего определенного сказать не могут и прислали тебя. Ты обследовал участки и принес мне отчет.

– И вы предложили мне пятьсот рублей за то, чтобы я его переписал. Вас ведь не устраивало, что на этих землях найдено золото, вам нужен был прямо противоположный вердикт. Разве не так?

– Нет, Тимофей, не так. Еще в 1719 году Петр I издал гор-

ную привилегию, по которой всем разрешалось добывать и сдавать золото в государственную казну, как это было принято в странах Европы. В этом же документе, чуть ниже следовала оговорка, что прежде чем разрабатывать месторождение, нужно объявить о своей находке. По закону меня, как будущего владельца, можно привлечь к ответственности только за сокрытие данного факта, однако, о найденном на территории Невьянской дачи золоте было известно давно, и при этом никаких действий казна не предпринимала, и земли у Демидова не отбирала.

– А, за что же вы предлагали мне пятьсот рублей?

– За выполненную работу. Ты сделал все быстро, и это было главное. Мне расписали, что работы продлятся, чуть ли не до глубокой осени, а ты управился в три недели.

– И, кто же вам такое наговорил?

– Да, твой же начальник и просветил меня. Я грешным делом думал, что ты с ним в сговоре, но когда увидел, как ты работаешь, понял что ошибался на твой счет. Так, что те пятьсот рублей ты заработал честно. Ведь я же не просил тебя изменить отчет?

– Да, не просили, но я подумал...

– Ты подумал, что я хочу его изменить потому, что тебе это сказал твой начальник? Ты заранее был убежден, что тебе предложат взятку?

– Да, меня об этом предупреждали, но ведь вы сами признали, что мой отчет вам невыгоден?

– Это мне объяснили позже. Теперь, сказали мне, когда выяснилось, что эти месторождения пригодны для промышленной разработки, необходимо провести дополнительные изыскания – разведать прилегающую территорию, определить границы и согласовать с Берг-коллегией дальнейшую судьбу невьянского золота. Сколько на это уйдет времени одному богу известно.

– И тогда вам предложили заплатить?

– Нет, в канцелярии такие вопросы не решаются. Вечером этого же дня ко мне в номер пришел твой дружок Федор Забелин и предложил решить все мои вопросы в течение одного дня. Сумма сделки десять тысяч рублей.

– И вы заплатили?

– Да! Мне все это уже порядком надоело, и я заплатил, даже не поинтересовавшись, как будет решен этот вопрос. Эти пять заводов обошлись мне всего в восемьсот тысяч рублей, при условии, что все оформление и разборки с чиновниками я беру на себя. Учитывая, что чуть раньше на покупку шести заводов я истратил около полутора миллионов рублей, то сделка с демидовскими заводами была очень выгодной. Десять тысяч при таких деньгах, не такая уж большая сумма. Я не знал, что разменной монетой окажешься ты.

– Но ведь можно было пойти другим путем: купить часть заводов, или вообще отказаться от Невьянской дачи?

– Наверное, можно было, но я так намаялся за прошедшие полгода, что мне уже было не до поиска возможных вариан-

тов. Доживешь до моего возраста – поймешь.

Собеседники помолчали.

– Савва Яковлевич, я приношу вам свои извинения – молодой человек подошел к Яковлеву – в знак примирения, вот вам моя рука.

Яковлев пожал протянутую руку.

– Я рад Тимофей, что мы поняли друг друга. Будем считать, что все обиды забыты. Теперь давай поговорим о тебе.

– А, что обо мне говорить?

– Ты лишился работы, у тебя на руках жена с двумя маленькими детьми. Что собираешься делать?

– Не знаю. Пока проживу у сестры, постараюсь найти работу, а там посмотрим.

– Все это долго и неопределенно. Послушай старика, возвращайся на Урал, будешь работать у меня. Ты можешь на некоторое время оставить жену и детей у сестры?

– Наверное, смогу, вот только они сами не богато живут.

– Как раз финансовый вопрос решить проще всего, главное это твое принципиальное согласие.

– Чем я буду заниматься?

– Сейчас у меня одиннадцать заводов, плюс еще четыре-пять я планирую купить в ближайшее время и примерно столько же построить на новых, уже разведанных местах. Мне нужен честный, грамотный человек, способный управлять всем этим хозяйством. Солидная, хорошо оплачиваемая должность! Что скажешь, Тимофей?

– Заманчиво, Савва Яковлевич. Я понимаю, что от подобных предложений не отказываются, но буду с вами честен – это не мое. Я инженер, а не администратор, толку от меня на этой работе – ноль. Может быть, годам к сорока я и созрею, а пока сам буду мучиться и вам никакого толка.

– Что ж, Тимофей, спасибо за откровенность, рад, что не ошибся в тебе.

– Вы, что заранее знали, что я откажусь?

– Уверен не был, но предполагал. Картина, которую я тебе нарисовал, это заманчивая перспектива на ближайшие десять – пятнадцать лет. Тебе сейчас двадцать четыре, так что к тому моменту, когда я закончу формировать свою империю тебе как раз и будет под сорок. Теперь давай поговорим о конкретных делах.

– А, о чем мы сейчас говорили?

– Это так, для полноты картины. Я хочу предложить тебе работать лично на меня.

– Не совсем понимаю.

– Не торопись, Тимофей, сейчас все объясню. Мне нужен грамотный инженер, но не для работы на заводе.

– Значит, я буду заниматься чем-то противозаконным?

– Жизнь сложная штука, Тимофей, иногда приходится и закон нарушать, а что делать? Вот ты поступил по закону, и чем все закончилось? То-то! В России суровость законов нивелируется необязательностью их исполнения. Пойми, Тимофей, если бы я все делал по закону, то так и остался бы на

побегушках у лавочника. Ладно, продолжим. Так вот, твоя основная работа будет заключаться в разведке местности, составлении карт, поиске металлов и самоцветов, а начнем мы с разработки двух, хорошо знакомых тебе золотоносных участков.

– Но, ведь вы сами сказали, что не собираетесь этим заниматься?

– Раньше не собирался, а теперь, когда эти месторождения официально не существуют, можно и передумать.

– А, что скажет мой бывший начальник, когда узнает?

– Селиванов уже ничего не узнает и тем более не скажет, покойники не отличаются болтливостью.

– Он что, умер?

– Да, апоплексический удар. В его возрасте и с его комплекцией нужно быть более умеренным в своих желаниях: вино и женщины до добра не доводят. Правда, официально считается, что он умер дома, среди родных и близких, а не в борделе в компании двух голых шлюх. Не принесли ему счастья мои деньги.

– Но, ведь Федор Забелин тоже в курсе?

– Твой бывший дружок уже почти год живет в Петербурге. Дал кому-то хорошую взятку и сел на теплое место. Так, что с его стороны тоже не предвидится никаких осложнений.

– У меня много вопросов, Савва Яковлевич, но в принципе я согласен.

– Ну, вот и ладушки. Все вопросы утрясем позже, а пока

разберемся с финансами.

Яковлев махнул рукой слуге, сидевшему рядом с кучером, и через минуту тот принес небольшой сундучок, поставил его на скамейку рядом с хозяином и тут же удалился. Подняв крышку, Яковлев достал пачку ассигнаций.

– Здесь пятьсот рублей, которые ты честно заработал, но по своей молодости (Яковлев хотел сказать «глупости», но вовремя передумал и заменил слово) не понял этого и не взял деньги. Теперь ты повзрослел, и я возвращаю их тебе.

– Спасибо, Савва Яковлевич.

– Подожди благодарить, это еще не все. Я нанимаю тебя на работу, значит, могу выплатить аванс. Вот еще пятьсот рублей – Яковлев протянул Тимофею вторую пачку ассигнаций. Жену с дочками пока оставь у сестры, когда обживешься, начнешь работать, тогда и они подьедут. Сколько тебе нужно времени на сборы?

– Думаю два дня должно хватить.

– Хорошо, через два дня, рано утром я за тобой заеду, и вместе отправимся. Дорога длинная, вот там и наговоримся.

Через два дня уютная четырехместная карета пылила по Сибирскому почтовому тракту, увозя компаньонов на Урал. Ехали не спеша, преодолевая за световой день верст по двести. Минуя почтовые станции и постоялые дворы, ночевали либо в приличных трактирах, либо в добротных частных домах. Яковлев оказался не только любопытным попутчиком, но и внимательным слушателем. Отсутствие системного

образования он с лихвой компенсировал, чрезмерной любознательностью и природной смекалкой. Яковлев уважал профессионализм в любом его появлении и готов был часами слушать пояснения специалистов по интересующему его вопросу. Воспользовавшись случаем, он подробно расспрашивал Лачина о рудах, металлах и минералах Урала, но особенно его интересовала добыча золота.

– Золото часто находят в кварце. – Рассказывал Тимофей. Кварц – один из наиболее часто встречающихся минералов на земле. Внешне он бывает белого, серого, розового и коричневого цветов. Чаще всего золото встречается в сером и коричневом кварцах, образуя характерные прожилки, видимые невооруженным взглядом. Выходящая на поверхность кварцевая жила постепенно разрушается, высвобождая золото, которое дождями и снегом смывается в реки и ручьи, оседая на дне. Если находишь кусок кварца с вкраплениями золота, то где-то близко должна быть сама жила. Если золото обнаружили в ручье, то начинают двигаться вверх по течению и постоянно брать пробы, отмечая места. Как только золото перестает попадаться, значит, вы прошли месторождение. Тогда возвращаются назад, туда, где золото попало последний раз, начинают обследовать оба берега и находят источник золота – жилу.

– Затем на этом месте копают шахту?

– Все зависит от того, как проходит жила. Начинают разработку с поверхности и постепенно углубляются, может

быть строго вертикально, а чаще всего под углом. Проще углубится вертикально на пару саженей, тогда лучше будет видно. В тех местах, где явно обозначено наличие золота долбят штреки. Именно так я проводил пробные работы на тех двух участках, и результаты были обнадеживающие – выход золота около двух золотников на пуд породы. Конечно, это средние данные, ведь на всем протяжении жилы встречаются участки с разным содержанием металла.

– Насколько глубоко можно углубиться?

– Точную цифру назвать трудно, как правило, до появления грунтовых вод. Чтобы идти дальше, нужно создавать систему для ее откачки, а это сложно и дорого, при этом нет никакой гарантии, что все усилия окупятся.

– Хорошо, вырыли шахту, что дальше?

– Далее начинаем работать. В шахту спускаются один-два человека, киркой или зубилом и молотком откалывают куски золотоносной породы и подают ее наверх. Наверху породу раскалывают на куски, размером с сосновую шишку и пропускают ее через мельницу.

– Мельницу?

– Не волнуйтесь, Савва Яковлевич, это только так называется. Мельница для измельчения кварца это своеобразный вид гранитных жерновов, диаметром около сажени.

– Я вот почему завел этот разговор, Тимофей. Нам нужно тщательно скрыть свою деятельность, и я хочу замаскировать шахту и все работы под хозяйственные постройки.

– Это можно сделать, только откуда в глухом лесу возмнутся эти самые постройки?

– На месте рудника будет стоять старообрядческий скит. Я уже договорился кое с кем в свой прошлый приезд. Недалеко от Невьянска живут четыре семьи раскольников. В городе они бывают редко, приходят купить только самое необходимое, да и откуда у них деньги, если только продадут несколько шкурок. В общем, живут бедно. Они согласны работать на меня, взамен полного обеспечения их семей все необходимым и первое, чем ты займешься, это строительство жилья, чтобы к зиме их переселить.

Глава 2. Москва, 22 – 25 октября 1797 года (воскресенье – среда).

Дождливым осенним вечером 1797 года в ярко освещенном помещении игорного клуба «Червовый валет», располагавшемся на третьем этаже дома Зайцева в Охотном ряду, в самом дальнем углу, за отдельным столиком два молодых человека играли в шахматы. Одним из них был ювелир Генрих Штейнберг, а вторым, его друг художник Семен Ушаков. Если Генрих Карлович Штейнберг уже приобрел некоторую известность среди московской публики, то имя Семена Ивановича Ушакова было им абсолютно незнакомо. Состоятельные люди предпочитали иметь дело с иностранцами и очень неохотно обращались к соотечественникам, соглашаясь при этом платить втридорога за картины, только из-за подписи. В этом отношении Штейнберг, будучи уроженцем Восточной

Пруссии, явно выигрывал у своего русского друга. Впрочем, это никак не отражалось на их отношениях, а Семен Ушаков, был вполне удовлетворен тем, что расписывал вывески трактиров и магазинов, рисовал портреты бородатых купцов и дородных купчих. Оба были молоды, не обременены семьями и, поскольку спешить им было некуда, после обильного ужина в трактире Зайцева, они решили провести вечер за игрой в шахматы. Для этого им нужно было просто подняться с первого этажа на третий и заплатить двадцать копеек за вход. Ушаков не прочь был попытать счастье в карты, что он периодически и делал, правда, заканчивалось это всегда одинаково – художник оставался без денег, а вот Штейнберг начисто был лишен этой пагубной страсти. Фортуне и ловкости рук, он предпочитал состязание умов, поэтому друзья и сидели в этот вечер за шахматной доской. Проиграв вторую партию подряд, Ушаков встал из-за стола.

– Давай сделаем перерыв. Пойду, пройду, посмотрю, как спускают состояния.

Штейнберг огляделся вокруг, подозвал официанта и закал чашку кофе. Когда он повернулся, то увидел, что на месте Ушакова сидит незнакомый человек, внешне выгладевший, как купец средней руки.

– Извиняйте, что неволью нарушил ваше одиночество. – Сказал незнакомец, нервно ерзая на стуле. – Вы ведь ювелир?

– Я не помню, чтобы имел честь знать вас. – Резко ответил

Штейнберг, надеясь, что непрощенный гость уйдет.

– Мы не знакомы. Мне только что показали вас и объяснили, что вы известный ювелир. Это правда?

– Насчет ювелира – да.

– Вот и отлично. – Сказав это, незнакомец положил на стол, между шандалом с горящими свечами и шахматной доской два камушка зеленоватого окраса.

– Что это? – Спросил Штейнберг.

– Именно это я и хочу у вас узнать.

Штейнберг достал их бокового кармана маленькую лупу и, взяв один из камней, внимательно рассмотрел его со всех сторон на фоне горящей свечи. Он совсем забыл, что буквально минуту назад, собиравшись отшить этого назойливого типа. Профессиональный интерес заглушил в нем волну негодования по отношению к бесцеремонному посетителю, можно даже сказать, что он на время вообще забыл о его существовании.

– Постой Игнат. – Остановил он проходившего мимо официанта.

Тот послушно застыл на месте, а Штейнберг взял с подноса пустую бутылку из-под шампанского и провел по ней камнем. Раздался неприятный звук, от которого у официанта побежали мурашки по телу, и на бутылке образовалась царапина длиной пару дюймов. Вернув бутылку на место, ювелир махнул Игнату рукой, разрешая продолжить свой путь.

– Вы хотите это продать? – Спросил Штейнберг у своего

визави, уже более миролюбивым тоном.

– Совершенно верно. Только не эти два, а партию таких камней, весом около фунта. Если вас интересует мое предложение, я готов обсудить условия продажи.

– Все не так просто. Сначала мне нужно определить, что это за камни, а для этого необходимо оборудование и время. Если вы завтра зайдете ко мне в мастерскую, то я смогу уделить вам пару часов после полудня.

– У меня завтра есть другие дела, и я не знаю, когда освобожусь. Не могли бы вы исследовать камни без меня, а я подойду вечером?

– Если вы готовы доверить мне камни, то ваше присутствие необязательно.

– Я могу отдать вам один камень под залог, например, в пятьдесят рублей.

В боковом кармане у Штейнберга лежали две ассигнации, каждая достоинством в сто рублей .

– У меня только сотня.

– У меня нет сдачи, поэтому забирайте оба камня.

Штейнберг достал сторублевую купюру и отдал ее незнакомцу вместе с визитной карточкой. Они расстались, договорившись встретиться на следующий день в мастерской ювелира. Штейнберг еще немного посидел, выпил кофе и когда, наконец, появился Ушаков, он, сославшись на усталость, предложил отправиться домой. Жили приятели недалеко от Охотного ряда, на Кузнецкой улице, где снимали квартиры в

доме Воронцова на первом этаже. Обычно они ходили пешком, но в этот раз дождь нарушил эту традицию и они воспользовались услугами извозчика.

Придя домой, Генрих первым делом хорошо вымыл камни в мыльной воде. Затем зажег свечи и при ярком освещении внимательно, через лупу осмотрел их. При сильном увеличении на поверхности хорошо были заметны темные вкрапления в виде полосок и небольших пятен. Камни явно отчищали от остатков основной породы – слюдиты. Впервые, когда Генрих увидел камни, он решил, что ему пытаются продать дешевый зеленый кварц, или гранат, но проверка с бутылкой показала, что эти камни значительно тверже. С одной стороны цвет и твердость этих камней существенно сокращают количество возможных вариантов, а наличие следов сланца явно указывает на изумруд. С другой стороны, откуда у этого мужика целый фунт самых дорогих ювелирных камней в мире? Похоже на мошенничество и под видом изумрудов ему пытаются всучить, например, темно-зеленую разновидность хризоберилла. Определиться можно только огранив камень. Изумруды практически не бывают кристально чистыми и при хорошем увеличении можно рассмотреть многочисленные изъяны, неправильные узоры, пузырьки газа и даже посторонние включения. Растопив камин, Генрих достал старинное пособие по огранке ювелирных камней на немецком языке и, удобно устроившись в кресле перед ярко полыхающим огнем, стал внимательно

изучать главу, относящуюся к изумрудам. За свою профессиональную карьеру Генриху приходилось всего пару раз заниматься огранкой изумрудов, да и не любил он это занятие. Его стихия это разработка ювелирных изделий, где полет фантазии ограничен лишь технологическими возможностями производства, а огранка требует внимания, усидчивости и полной концентрации на работе, что создавало для Генриха большие проблемы. Не любил он монотонную однообразную работу, предпочитая творчество ремеслу. Как правило, его терпения хватало максимум на огранку пары камней. Если это действительно изумруды, то придется попотеть, поскольку, как гласит руководство, это очень сложные для огранки камни. Изумруды содержат большое количество минеральных включений и трещин, которые необходимо убрать уже на начальном этапе, а ведь расколоть камень можно только один раз, поэтому и стоимость ошибки велика. Внимательно изучив советы старых мастеров, Штейнберг потушил свечи и отправился спать.

Рано утром Штейнберга разбудил настойчивый стук в дверь. Проклиная все на свете, он вылез из теплой постели и, набросив халат, пошел открывать. На пороге стоял городской Сазон Бадейкин.

– Простите, ваше благородие, – замялся Сазон, – тут такое дело... купца ночью порешили у Зайцева в меблированных комнатах. Вас срочно просят в участок к следователю.

– А меня-то за что? – Искренне удивился ювелир.

– Говорят, вы вечером беседовали с убитым.

Городовой, сославшись на то, что ему нужно обойти еще четыре адреса, тут же ушел, оставив ювелира в полном невестье. Штейнберг понимал, что если полиции известно о его беседе с убитым, то могут знать про камни и деньги. Не желая расставаться со своим приобретением, он решил заменить полученные камни, зеленым кварцем. Спрятав потенциальные изумруды в тайник под плинтусом, Генрих подобрал в коробке подходящие по размеру кристаллы зеленого кварца, положил их в карман и, одевшись, вышел на улицу. После часа томительного ожидания в узком грязном коридоре, Штейнберг, наконец, услышал свою фамилию.

В маленькой квадратной комнате, куда он вошел, из мебели были два стола, один большой по центру и второй поменьше, справа от входа и три стула. Возле единственного, давно не мытого окна стоял, уперев руки в бока, высокий, худой как жердь мужчина в потертом мундире. Услышав, как открылась дверь, он повернулся и внимательно посмотрел на сидевшего в углу секретаря.

– Штейнберг Генрих Карлович, ювелир. – Громко и четко произнес тот, уткнувшись в лежащую перед ним бумагу.

– Проходите, садитесь. – Стоявший у окна мужчина жестом указал Штейнбергу на пустующий стул, а сам подошел к столу и сел напротив. – Я следователь по уголовным делам Головин Павел Матвеевич. Вам уже известно, что этой ночью в номерах Зайцева произошло убийство?

– Только в общих чертах.

– Убит был уральский купец Протасов Демьян Емельянович. Вам что-нибудь говорит это имя?

– Абсолютно ничего, господин следователь.

– Странно, очень странно, господин Штейнберг. Свидетели утверждают, что вы беседовали с господином Протасовым и даже купили у него какие-то камни. Как вы это объясните?

– Я не отрицаю, что беседовал с неким господином, и речь действительно шла о камнях, но я не знаю его имени и ничего не покупал.

– А вот свидетели утверждают, что вы дали ему сто рублей.

– Это была не покупка, а залог. Неизвестный обратился ко мне с просьбой – провести исследование принадлежащих ему двух камней. Я согласился, взял камни, оставил ему в залог сто рублей и дал свою визитку. Сегодня вечером он должен был зайти за результатом и вернуть мои деньги. Вот, собственно и все.

– Что это за камни?

– Два необработанных камня зеленого цвета, но какие именно я не знаю. Сами понимаете, мне некогда было ими заниматься.

– Камни при вас?

– Да. – Штейнберг достал из кармана заранее приготовленные камни и положил на стол.

– Хорошо, господин Штейнберг, больше у меня к вам вопросов нет. Секретарь напишет расписку об изъятии камней, а потом вас отведут в морг на опознание. Нужно будет, подтвердить, что убит именно тот человек, с которым вы вчера говорили.

– Не будем забывать, господин следователь, что я отдал за них свои сто рублей.

– Я помню, господин Штейнберг. Как только закончим дело, камни вам вернут.

Штейнберг, у которого со вчерашнего вечера ни было, ни крошки во рту, собрался было зайти перекусить в трактир Зайцева, однако посещение морга и процедура опознания отбили у него охоту даже смотреть на еду. Он решил просто прогуляться, в надежде, что через некоторое время молодой организм избавится от неприятных ощущений и аппетит все-таки вернется. Несмотря на то, что день выдался пасмурным, было довольно тепло и прогулка на свежем воздухе, после затхлых помещений полицейского участка доставляла истинное удовольствие. Сначала он просто бездумно бродил по переулкам, но постепенно его мысли все чаще стали возвращаться к этому убийству. Убитым действительно оказался его неизвестный собеседник. Купца зарезали прямо в номере – видимо поджидали, а убийца ушел через окно. Шум поднял городской, совершавший ночной обход – он увидел открытое окно, разбудил сторожа, прислугу и всех постояльцев. В номере не было найдено ничего, ни денег, ни ценно-

стей, поэтому мотив убийства не вызывал сомнений – ограбление. Все это рассказал Штейнбергу квартальный надзиратель, которому ювелир нередко помогал описывать и оценивать похищенные драгоценности.

На первый взгляд, все ясно и понятно: убийца пробрался в номер, дождался, пока купец вернется, убил его и, прихватив награбленное, сбежал с места преступления через окно. Именно эту версию и выстраивает следствие, но здесь возникает много вопросов и главный – что конкретно взяли? Одет убитый был довольно скромно, ни перстней, ни браслетов, ни даже цепочки от часов у него не было, это Штейнберг, чисто профессионально, отметил еще во время беседы. Чем скромный уральский купец, мог привлечь внимание грабителей? Без ответа на этот вопрос раскрыть преступление и найти убийцу практически невозможно. Ограбление совершается с целью наживы. Если взяли деньги, то шансов на успех мало, другое дело, если вещи, тем паче драгоценности – тогда есть реальная возможность найти преступника, ведь рано или поздно он вынужден будет продать награбленное. В данном конкретном случае вообще не понятно, что искать, да и потом, убийство плохо вписывается в версию ограбления. Предположим, хотели ограбить, проникли в номер, но зачем убивать, достаточно было просто оглушить. Так и не придя ни к какому конкретному выводу, Штейнберг внезапно почувствовал звериный голод и быстрым шагом направился к трактиру, где столкнулся со своим другом Ушако-

- Lituz.com

Elektron kitoblar

**To'liq qismini Shu tugmani
bosish orqali sotib oling!**